

«КАК ОБЫЧНО БЫВАЕТ»

В ПОСЛЕДНЕЕ время появилось немало прекрасных песен, получивших всенародное признание. Но вместе с ними нет-нет да и мелькает фальшивая стекляшка вместо чистопробного камня — подделка под легкую музыку. Погоня за легким успехом соблазняет нередко и талантливых людей. Болезнь роста? Ну что ж, если болезнь, то ее нужно и можно лечить, чтоб она не превратилась в хроническую.

Недавно во Львове проходили авторские вечера композитора Людмилы Лядовой. Концерты собрали много любителей музыки. И это не случайно, ведь многие произведения Л. Лядовой уже давно завоевали симпатии широких масс слушателей. Ее лучшие лирические песни пленяют притягательностью настроения, непосредственностью чувства. Хороши и шуточные песенки — «Четыре гусака», «Чудо-песенка», «Уральская шуточная». Здесь есть и правдивость, и характерность, и чувство меры!

Последнее — великая вещь! Беда, когда оно исчезает. И как это ни прискорбно, но в музыке к басне С. Михалкова «Заяц во хмелю», а особенно в исполнении, именно чувство меры покинуло Л. Лядову. Естественно стремление композитора передать живую речь персонажей, используя речитатив. Но когда речитатив теряет даже намеки на мелодичность и утируется до вульгаризации, применение его довольно сомнительно. Чрезмерная натуралистичность в изображении «пьяных» персонажей просто коробила зрителей. Л. Лядова исполнила «партию Льва» хриплым «пьяным» голосом, сильно покачиваясь. Окончательно «войдя» в роль, она довольно внушительно начала трясти «Зайца» — артистку Москаленко...

Избрав для концерта форму непринужденной беседы со слушателями, Л. Лядова рассказала о своей жизни, об истории создания своих произведений. Безусловно, непринужденность способствует быстрому установлению контакта между теми, кто на сцене и в зале. Плохо, однако, когда непринужденность перерастает в развязность, а ее было хоть отбавляй.

Л. Лядова пела, одновременно выполняя роль аккомпаниатора и конферансье, сопровождая исполнение художественным свистом и не всегда художественной актерской игрой. Подчас эмоции так овладевали ею, что она начинала иступленно колотить по инструменту, терзая его и забрасывая зал фальшивыми нотами.

Арсенал выразительных средств композитора этим не исчерпывался — было еще и мяуканье («Кисань-ка»), и рев («Заяц во хмелю»), и гусиное га-га-га («Четыре гусака»)...

Однако главная беда Л. Лядовой, как нам кажется, не только и не столько в исполнении. Хотелось бы поговорить о самих произведениях. Вызывают сомнения художественные достоинства текстов песен. Чего стоят, например, такие «перлы»:

Я иду, иду, иду по лестнице,

Я иду, иду к моей прелестнице.

Знаю я, живет она на этаже шестом,

А я иду, иду, иду, иду пешком.

(«Шестой этаж»).

Или:

Ты умеешь без света

предметы различать.

Значит, мы у Гаврика

Не возьмем фонарика.

Его можно потерять.

(«Кисанька»).

В этих песнях текст и музыка находятся в полном содружестве! Основа многих произведений Л. Лядовой — банальные, сентиментальные интонации — «Колыбельная мужу», увертюра к оперетте «Под черной маской» и другие. Мелодический язык ее песен отличается зачастую заведомым «разнообразием». Его диапазон простирается от цыганских оборотов («Испанский танец», «Добрый вечер») до интонаций нэпманского джазз 20-х годов («Негритяnsкие куклы»).

В тот вечер Л. Лядова часто произносила: «Как обычно бывает!». Это, видимо, любимое выражение. Жаль, что такое «как обычно бывает» нередко появляется и в мелодике, и в гармонии, и в настроении ее сочинений.

Мы не хотим сказать, что у Л. Лядовой нет своей творческой индивидуальности. Она, несомненно, есть! Ведь не случайно там, где это свое проявляется, у композитора много настоящих находок. Это радует. Поэтому хочется пожелать Людмиле Лядовой, чтобы в ее творчестве было еще больше своего и настоящего.

В. САВИЦЫН,
И. МАЦИЕВСКИЙ,

студенты Консерватории имени Н. В. Лысенко.
ЛЬВОВ.

«СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРА»
МОСКВА
4 5 ИЮН 1963